

Открытие древнейшей цивилизации в долине Инда

The Indus Civilisation, by Ernest Mackay, London, 1935

Археологическая наука послевоенного времени сделала ряд интереснейших открытий, которые вводят нас в мир древнейших цивилизаций и интереснейших памятников материальной культуры народов, о которых историческая наука не имела ясного представления.

Значительный интерес представляет открытие древнейшей дравидийской цивилизации в долине Инда.

По поводу раскопок в долине Инда, предпринятых еще с 1923 г. Дж. Маршаллом, появилась значительная литература. Отчеты археологических экспедиций с 1923 по 1929 г. (Annual Reports of the Archaeological Survey of India, 1923/24 to 1928/29) вызвали широкое движение не только среди археологов, но и историков, которые старались дать историческое построение на основе открытых памятников материальной культуры.

Следует сказать, что археологи, обычно не идущие дальше педантичной регистрации открываемых ими памятников, здесь оказались на высоте и первыми в своих исторических построениях пытались освоить открытые ими памятники древнейшей цивилизации Индии.

Дж. Маршалл, под руководством которого производились раскопки, выпустил в 1931 г. интересную работу об историческом значении открытых в Мохенджо-Даро памятников индийской цивилизации. Столь же богатая культура исследовательской работы чувствуется и у другого английского исследователя, производившего археологические работы, у Маккея, книга которого об индийской цивилизации и является предметом нашего рассмотрения.

Вышедшая в 1935 г. книга Е. Маккея «The Indus Civilisation» посвящена подробной характеристике памятников, открытых в долине Инда, и дает некоторое историческое обобщение материала в целях социальной характеристики открытой цивилизации.

Памятники вновь открытой цивилизации обнаруживались в течение ряда лет в двух, главным образом, пунктах индийской долины: в Хараппе, в округе Монтгомери, и в Мохенджо-Даро, в 400 милях к юго-востоку от Хараппы, в округе Ларкан.

В Мохенджо-Даро раскопки производились разными лицами. В 1922 г. копал Бенарджи, в 1923/24 г. раскопки вели Уотс, Диктч; в 1925/26 г. за раскопки принимается Дж. Маршалл, являвшийся тогда главным начальником производства археологических работ в Индии (Director-General of Archaeology in India). Последний включил в свою экспедицию Харгрейвса и Сана Улах и путем систематического производства раскопок сумел установить наиболее интересные памятники. К числу их относится большое помещение с хорошо выложенным полом из округленных кирпичей; назначение его является спорным в интерпретации археологов. Маккей считает, что это было нечто вроде «ресторана, похожего на позднейшие пикадилли» (latest peccadilloes), что ввиду крайней модернизации вряд ли может быть принято. На некоторой дистанции к югу от буддийской ступы Маршалл нашел большое строение, которое, по мнению Маккея, выражало черты коммерческой жизни города (a feature of the commercial life of the city). Это строение занимает 85 фут. в квадрате, и его крыша поддерживалась 20 прямоугольными колоннами. В противоположность такой интерпретации Дж. Маршалл считает, что это строение могло иметь религиозное назначение, и сравнивает его с буддийскими храмами, позднее высеченными в горах (см. стр. 54—55). К западу от ступы было открыто в сезон 1925/26 г. строение, сложенное из обожженного кирпича, размером в 39 фут. 3 дюйма в длину и 23 фута 2 дюйма в ширину. Наличие колодцев и дренажной системы, отдельных комнат, расположенных группой около этого большого строения,

Рис. 1. Статуэтка мужского божества с характерным убором волос

дает основание Маскау считать это строение бассейном для ритуального омовения населения или же для священного крокодила и рыб, для чего, впрочем, нет никаких подтверждений (стр. 58—59), как замечает и сам автор.

Наконец, в числе других описываемых Маскау зданий указывается на раскопанный Маршаллом большой дворец со множеством отдельных помещений. Один размер

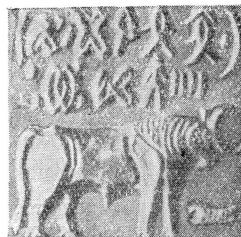
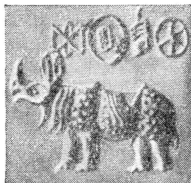
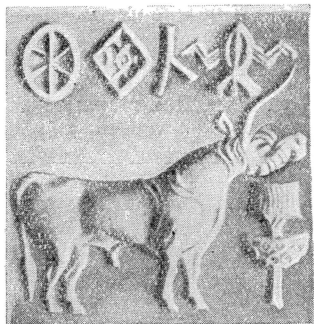

Рис. 2. Печати-амулеты

его—225 фут. длины и 115 фут. ширины, со стенами около 5 фут. толщины—достаточно говорит о значении этого памятника.

Что касается строений в Хараппе, где раскопки производил, главным образом, Р. Сахни (1924/25 г.) и Уотс (1928/29 г.), то они, по сравнению с Мохенджо-Даро, сохранились хуже. Почвенные, железнодорожные и строительные работы частично разрушили памятники в Хараппе. Маскау кратко описывает остатки древнейших строений этого поселения, поскольку они не опубликованы в археологических отчетах.

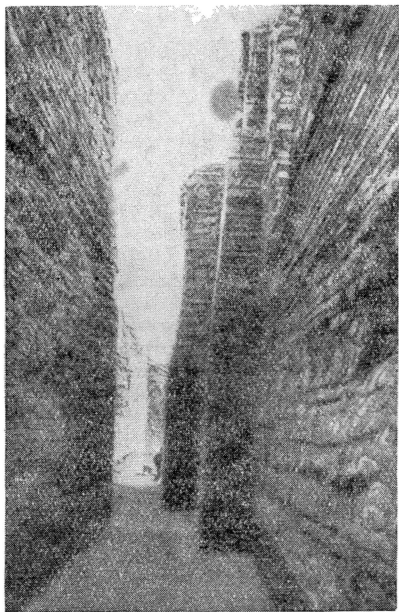

Рис. 3. Раскрытые остатки сооружений в Мохенджо-Даро

Основное строение в Хараппе из более или менее сохранившихся представляет собою в восточной части 12 параллельных стен, с определенными интервалами между каждой парой. До сих пор не установлено точно, каково могло быть назначение столь обширного помещения.

Найденные остатки бронзы, меди, керамики, труб для стока воды, наконец, печатей с изображением, сходным с тем, что встречается на прото-эламских печатях, и с пик-

тографическими письменами, остающимися до сих пор еще не расшифрованными, остатки посуды различной формы и предметы украшений—все это осколки той богатой, мало изученной новой культуры, которую Маскау, по примеру своих коллег, называет древнейшей цивилизацией Индии.

В главах об архитектуре, одежде и украшениях, обычаях, ремесле и религии обитавшего в долине Инда древнейшего народа автор пытается дать характеристику этой цивилизации.

Изучение украшений (бусы, ожерелья и т. д.), одежды и обычаев позволяет Маскау на конкретных памятниках установить уровень ремесла, значительно развитой техники его, в особенности в обработке цветных камней, иногда вставлявшихся в золотую оправу. Автор приводит также примеры работы по металлу, главным образом ювелирной работы по золоту, из которого делались различной формы ожерелья весьма тонкой работы, найденные в Мохенджо-Даро археологом Рам Сани (Ram Sahni).

Все эти предметы украшения и быта древнейшей культуры Индии интересны с точки зрения Маскау и для установления хронологии Хараппы и Мохенджо-Даро, ибо, как замечает автор, найденные там бусы и ожерелья известны нам, как существовавшие в Вавилонии, Египте (стр. 109). Как замечает сам автор, это имеет большое значение как для установления связей Индии с районом Месопотамской долины, так и для датировки открытой культуры.

В последней главе о хронологии и связях с другими странами автор учитывает работы Dr. Frankfort'a, который, изучая сравнительно-исторический материал и показывая фрагменты керамики Тель-Амара и Мохенджо-Даро и Хараппы, устанавливает связь этой древнейшей цивилизации Индии с Месопотамией, с городами Кишем, Сумером, Эламом и т. д. и на основании этого относит открытую цивилизацию к началу III тысячелетия до н. э. Это очень хорошо доказывается на анализе печатей в Индии, которые, по мнению Dr. Frankfort'a, повторяются в Тель-Амаре.

Несомненно, много еще и неясностей в изучении открытой цивилизации; необходим дальнейший анализ памятников и, особенно, расшифровка тех писем, прочесть которые еще не удалось.

При всем этом значение открытий в долине Инда столь велико, что в изучении даже классического Востока нельзя уже обойтись без учета памятников новой цивилизации. Во всей литературе, за исключением разве только немецкой (см., например, S a r a s i n, *Der Handel zwischen Indien und Rom*, 1930, в которой проявлено полное незнание или игнорирование новых открытий), исторические памятники новой культуры не могли не быть отражены, и особенно в связи с древнейшей историей народов Месопотамии, которая во многом встает перед нами в новом свете.

Книга Маскау компактна, невелика по размеру (190 стр.), конкретна по содержанию, имеет 16 карт, иллюстраций, библиографию, индекс имен и предметов, что делает эту книгу по данному вопросу ценным пособием для историков.

Проф. А. Мишулин

HERMANN RANKE. Die ägyptischen Personennamen. Band I. Verzeichnis der Namen. Verlag von J. J. Augustin in Glückstadt, 1935, Ss. XVII+432.

РАНКЕ Г. Египетские личные имена. Том I. Перечень имен. Изд. И. И. Аугустин, Глюкштадт, 1935, стр. XVII+432.

При изучении целого ряда проблем древней истории, в особенности тех эпох, от которых осталось мало документов и памятников, исследователь принужден подвергать тщательной исторической критике каждое сохранившееся свидетельство, каждый обломок старины. Изучение имен, главным образом, собственных, в частности, личных имен, имеет в этом отношении большое значение, ибо даже самая поверхностная ономастика позволяет вскрыть в именах древние исторические напластования. В каждом древнем языке мы всегда найдем ряд теофорных имен, как, например, греческие имена Аполлодор, Гермоген или Деметрий, которые при анализе их распространения или применения позволяют иногда делать некоторые существенные историко-религиозные выводы. Этимология имен дает возможность подметить интересные бытовые детали, характеризующие ту или иную эпоху. В этом отношении типичны для времени упадка античной культуры такие имена, как Jacynthus, Beryllus, Zmaragdus, Amor, Lasciva или Elegans, столь резко контрастирующие с целым рядом других, в которых сознательно подчеркивается исконно-римская доблесть, как, например, Pietas, Pro-